

Научная статья

УДК 340.151

DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(3).409-417

EDN XVVVUU

Время Конфуция: юридическое содержание ритуала жертвоприношения в Древнем Китае

Анна Тимофеевна Тумурова

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия
annatumurov789@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1170-5730>

АННОТАЦИЯ

Жертвоприношение как социальное явление возникло в глубокой древности, принято относить его к первобытной архаике, а его правила — к родовому обычаю. Вместе с тем данный ритуал получил широкое распространение уже в период упадка родовых отношений и в начале формирования раннеклассовых образований. Ритуал жертвоприношения, наряду с языком и обычаями, стал объединяющим культурным багажом, на основе которого общность людей формировалась на иных, нежели кровнородственные связи, принципах. Статья посвящена раскрытию правового содержания ритуала жертвоприношения в китайской культуре в эпоху формирования земледельческой культуры, что примерно соответствует эпохе Чжоуского царства (1045–256 годы до н.э.), вторую половину которой чаще называют временем Конфуция. Данный ритуал стал олицетворением общественного договора, объединившего людей на основе совместного освоения земледелия, где культура земледелия выступает основой (*вэнь*) нового типа общности. С ритуалом жертвоприношения связаны процессы взаимной легитимации верховной власти и власти клановой. Ритуал жертвоприношения определял также объем прав и обязанностей той и другой стороны общественного договора. Наиболее сложным вопросом является значение ритуала в определении объема и содержания права владения, пользования и распоряжения земельным наделом. Система колодезных полей служила задачам натурального налогообложения. Урожай зерновых пополнял казну, за счет средств которой главным образом содержалась армия. Иероглифическое обозначение ритуала жертвоприношения отсылает к предметам древнего алтаря. Постепенно расширяя круг явлений, символом которых становился данный иероглиф, в современных условиях он обозначает правовые нормы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Древний Китай, династия Шан, казна, ритуал, жертвоприношение, общественный договор, земельный надел, право владения, право пользования, право распоряжения

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Тумурова А.Т. Время Конфуция: юридическое содержание ритуала жертвоприношения в Древнем Китае / А.Т. Тумурова. — DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(3).409-417. EDN XVVVUU // Академический юридический журнал. — 2026. — Т. 27, № 3. — С. 409–417.

Original article

Confucius time: legal content of the ritual of sacrifice in Ancient China

Anna T. Tumurova

Baikal State University, Irkutsk, Russia
annatumurov789@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1170-5730>

ABSTRACT

Sacrifice as a social phenomenon originated in the deep antiquity, it is generally considered to be of primitive archaic origin and its rules are related to ancestral custom. However, this ritual became widespread even during the decline of familial relations and at the beginning of the formation of early class formations. The ritual of sacrifice, together with language and customs, became a unifying cultural baggage, on the basis of which the community of people was formed on other principles than blood-related ties. The article is devoted to revealing the legal content of the ritual of sacrifice in Chinese culture during the era of formation of agricultural culture, which roughly corresponds to the era of the Zhou Kingdom (1045–256 BC), the second half of which is more often called the time of Confucius.

© Тумурова А.Т., 2026

This ritual became the personification of a social contract that united people on the basis of joint development of agriculture, where the culture of agriculture is the basis (wen) of a new type of community. The processes of mutual legitimization of the supreme power and clan power are associated with the ritual of sacrifice. The ritual of sacrifice also determined the scope of the rights and obligations of both parties to the social contract. The most difficult issue is the importance of ritual in determining the scope and content of the right to own, use and dispose of land. The well field system served the purpose of in-kind taxation. The grain harvest replenished the treasury, at the expense of which the army was mainly maintained. The hieroglyphic designation of the ritual of sacrifice refers to the objects of the ancient altar. Gradually expanding the range of phenomena, the symbol of which became this hieroglyph, in modern conditions it denotes legal norms.

KEYWORDS

Ancient China, Shan dynasty, treasury, ritual, sacrifice, social contract, land tenure, right of possession, right of use, right of disposal

FOR CITATION

Tumurova A.T. Confucius time: legal content of the ritual of sacrifice in Ancient China. *Akademicheskii juridicheskii zhurnal* = *Academic Law Journal*. 2026;27(3):409–417. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2026.27(3).409-417. EDN: XVVVUU.

*Жертвоприношение в память основания династии
в прошлом совершалось семьюдесятью двумя государями.*

Марсель Гране. Китайская цивилизация

Введение

Изучение Древнего Китая эпохи формирования правовой системы естественным образом выявило необходимость раскрытия юридического содержания ритуала жертвоприношения — важнейшего для китайской культуры древнего священнодействия. Актуальность этой задачи видится совершенно необходимой в силу склонности европейских правовых школ в целом отмечать исключительно внешнюю форму подобных обрядов. Вопреки общему скепсису логика во взаимосвязях элементов древнего обряда носит понятный характер. Многочисленные письменные артефакты китайской истории позволяют за фасадом экзотического антуража выявить посредством методов антропологии права подлинное юридическое содержание ритуальных действий.

Современными китайскими правоведами ритуал жертвоприношения рассматривается как предоснова права, которая начинает формироваться в недрах трансформирующегося общества. Характерные мысли приводятся в китайских научных статьях. Ма Нианьчжен пишет: «Первоначально жертвоприношения (считаются прототипом «ритуала» 礼) совершались вождями кланов, а порядок и правила основывались на принципе кровного родства. С развитием общества право на жертвоприношения постепенно монополизировалось знатью, и нормы эволюционировали из клановых обычаев в иерархическую систему с правовыми характеристиками. Например, древняя форма иероглифа «礼», «塑» первоначально отно-

силась к жертвенным принадлежностям, а позже распространилась на ритуалы, винные церемонии и даже жертвенные действия в целом, отражая переход от религиозных ритуалов к поведенческим нормам» [1].

В приведенном отрывке отметим следующие моменты, которые будут рассмотрены и интерпретированы нами в статье.

Первое: жертвоприношение первоначально было клановым ритуалом, осуществляемым главой рода. Второе: со временем жертвоприношение стало явлением, охватывающим более широкий, чем кровнородственный, круг участников. Третье: государство, представители которого относятся к знати, монополизировало право проведения жертвоприношения. Четвертое: правила проведения жертвоприношения первоначально подчинялись требованиям обычая, а затем стали правовыми. И последнее: иероглифы, первоначально обозначавшие жертвенные принадлежности, символизировали широкий круг религиозных ритуалов и стали наконец правовыми правилами.

**Ритуал жертвоприношения
как институт родового быта**

Безусловно, в приведенных тезисах проявляются не только всем известные трудности перевода, но и различия научных школ в понимании сути родовых и клановых отношений. Однако даже примерный смысл может служить отправной точкой для детализации всех этих пока непонятных рассуждений.

Итак, утверждается, что ритуал жертвоприношения предполагал участие членов кровнородственного объединения. Данное суждение однозначно и совершенно правильно определяет его как институт первобытности, т.е. его зарождение и первоначальное функционирование относятся к периоду родового быта. Следовательно, его можно рассматривать как родовой обычай, известный нам практически в мельчайших деталях. Антропология права отмечает в нем следующие закономерности. Ритуал жертвоприношения появился как устойчивый институт на поздних этапах существования родовой общины как общности совместно проживающих в одном доме и ведущих общее хозяйство людей. Более понятным будет объяснить их как единство людей, питающихся «из одного котла». Другими словами, они совместными усилиями добывают то, что делят между собой по потребностям. Такие правила, регулирующие отношения между субъектами, осуществляющими эти хозяйственные операции и принципы распределения их результатов, принято определять как коммуналистические [2]. Родовая община поддерживает экзогамию внутри рода и эндогамию в составе дуальной родовой организации. В целом действие перечисленных принципов формирует закрытость родовой общины, допускающей в свой состав только по рождению и по обменному браку [3, с. 34]. Необходимым дополнением к сказанному будет указание на то, что внутри родовой общины действуют обычаи, а внешние связи членов родового сообщества с представителями другой родовой общины, с которой они образуют дуальную организацию, регулируются правом или, точнее, обычным правом.

Внутриродовые обычаи не предусматривают возможности выхода отдельных членов из состава родовой общины. Поэтому численно разросшаяся родовая община испытывает объективные трудности в сохранении фактического единства, преодолению которых посвящен, в частности, ритуал жертвоприношения. Он символизирует нерушимость, нерасторжимость единства членов кровнородственного союза через идею единства с умершими предками. То есть никто из членов родовой общины родовую общину не покидает, и даже после жизни остается в качестве незримого духа и участвует во всех совместных делах своих потомков. Идея о том, что они, духи предков, незримо участвуют в совместной трапезе, диктует то, что ритуал жертвоприношения начинается с подношений духам предков и далее предполагает раздел жертвенного животного на

всех участников мероприятия. Нелишним будет заметить, что исследователи обращают внимание на то, что объект священнодействия предназначается духам, поэтому сжигается [4]. А на самом деле необходимо обращать внимание на факт совместной трапезы всех членов рода, включая его покинувших, т.е. умерших, именуемых обобщенно предками. Поскольку они уже бестелесны, то часть жертвенного животного сжигается, поскольку считается, что они только в такой форме могут приобщиться к основному мероприятию — совместной трапезе [5].

Важно отметить, что институализация ритуала почитания предков прямо связана с новым этапом развития человека как социального существа — формирования специфического образного мышления. Появлению новых поколений людей с развитым воображением способствовало развитие языка и раннее обучение детей [6, с. 6]. Способность воображать, т.е. моделировать, образы объектов, которые в данный момент не воспринимаются органами чувств или не существуют в реальности, сыграет большую роль в дальнейшем, когда возникнет необходимость формирования виртуального единства людей. Этот процесс тесно связан с возможностью сознания представлять, воображать взаимосвязь людей в отсутствие конкретных фактов их взаимодействия, например участия в совместной трапезе. С распадом родовой общины на отдельные семейные кланы и далее на отдельные семьи на смену приходит то самое номинальное (воображаемое) единство, в которое включены и род, и фратрия, и племя, и народ в целом. Для существования воображаемого единства людей важны вырабатываемые практикой маркеры этого единства. Так общий язык, обычаи, одежда, бытовые правила поведения, а также антропологические признаки и многое другое приобретают в глазах человека постродового времени большое значение для самоидентификации, для поиска круга людей, к которому он может номинально принадлежать [7].

Чем дальше родовая община уходит от прежнего фактического единства, тем более возрастает значение ритуала жертвоприношения, на который собираются уже разрозненно проживающие потомки. Совершение всех обрядов, последовательная реализация процедуры подношений в местах, ставших уже сакральными, духам предков — все это напоминает о былом кровном родстве, укрепляет родственные чувства, воссоздает дух единения, тем самым способствуя осознанию общности интересов, формируя готов-

ность в необходимых случаях оказать друг другу помощь и поддержку.

Все перечисленное как универсальные знания, осваиваемые людьми, становится культурным багажом человека в постродовую эпоху. Опираясь на него, потомки начинают строить новую общность, требующую активного участия в общем деле. Подчеркнем, что люди в эпоху формирования государства уже пережили родовую общину и были готовы к формированию постродового сообщества. Ритуал жертвоприношения используется ими как форма, но уже с иным содержанием. И это относится непосредственно ко второму выделенному нами пункту, требующему пояснений.

Казна

В условиях, максимально приближенных к первобытности, объединить людей, заставить проявить сплоченность на длительный период можно только на основе мер, которые могут обеспечить их базовые потребности.

Поэтому сразу обратимся к земледелию, как к новому делу, которое потребовало объединить усилия множества разноплановых людей. Из всех иных эта форма хозяйствования была на тот момент наиболее трудозатратным делом, однако сулящим новому сообществу плоды в виде конкретных материальных благ, которые выступали серьезным стимулом, мотивирующим всех направить свои усилия, потратить все имеющиеся стратегические запасы на его освоение.

Вот тут мы сталкиваемся с вопросом: что может выступать таким стратегическим запасом, который могли использовать первопроходцы в процессе освоения земледелия. Сразу оговоримся, что на этом этапе развития никакими запасами зерновых общество не располагало, их создание — его стратегическая цель. Из сказанного следует вывод о том, что первоначальным капиталом в освоении земледелия выступило стадо домашних животных. Для такого неоднозначного вывода есть следующие аргументы.

Освоение земледелия в такой форме, которая позволяла получать урожаи зерновых в значимых для культуры масштабах, требовало гигантского объема предварительных работ, заключающихся в осушении заболоченных участков с прокладкой отводящих каналов, стоков, выполнении большого количества земляных работ, таких как дамбовые сооружения, насыпные валы и многое другое, все это можно обобщить одним словом — мелиорация почв. Нетрудно понять, при отсутствии сложных орудий труда

это требовало колоссальных усилий достаточно многочисленного коллектива. А это автоматически рождает проблему восполнения их энергетических затрат при тяжелом физическом труде. Значит, должны быть предусмотрены необходимые в этом случае значительные объемы запасов продовольствия. Такими запасами мог располагать только вождь, который совместно с соплеменниками владел и распоряжался большим стадом домашних животных.

Закономерности неолитической революции, приведшие к возникновению такой формы производящего хозяйства, как скотоводство, рассматривались нами в проекте исследования генезиса обычного права бурят [3, с. 32–37]. В работе была выявлена следующая закономерность: условия для формирования важнейших форм производящего хозяйствования типа земледелия и скотоводства были разными. Следовательно, скотоводство и земледелие формировались в разных географических точках. Возникновению скотоводства предшествовало освоение коллективной охоты, которая определяется как облавная. Она имела место только в специфических природно-климатических условиях, в местах с максимально низкими температурными значениями, сохраняющимися на длительный период времени. Такие условия характерны для вмещающих ландшафтов, расположенных в зоне с резко континентальным климатом.

Появление ранних скотоводов в долинах Хуанхэ и Янцзы вызвано их миграцией с севера на юг в поисках речных долин для круглогодичного выпаса стада одомашненных животных, составляющего их основное богатство. Однако в условиях жаркого и влажного климата, значительного массива заболоченных почв, длительных периодов сезонных паводков у скотоводов неизбежно возникает необходимость создания запасов фуража. Именно эта потребность толкает их на работы по мелиорации почв, организации культурных насаждений. Для проведения таких масштабных работ у них были необходимые ресурсы: во-первых, люди, подчиненные единой воле вождя, объединенные, по сути, военной дисциплиной, выработанной опытом многовековой облавной охоты; во-вторых, казна представляла в те древние времена большое стадо домашних животных.

Стоит обратить внимание на то, что важнейшее священнодействие в древней истории китайской цивилизации по своему происхождению тесно связано со скотоводством, на это указывают объекты жертвоприношения — быки, овцы и дру-

гие домашние животные. «Особая позиция духов предков правителя подчеркивалась тем, что им, в отличие от богов, природного космоса, приносили в жертву, носившую характер таинства приобщения, домашних животных и людей» [8, с. 94].

Тем не менее «лессовые плато и долины с нанесенной паводками илистой землей с их более или менее устойчивым климатом и плодородными почвами испокон веков приглашали своих обитателей полагаться на земледелие... местные предания рассказывают о временах, когда не ведающие искусства посева и посадки люди мучительно существовали среди диких зарослей» [9, с. 118]. Разрозненно проживавшие небольшими группами первые земледельцы также были кровно заинтересованы в расширении обрабатываемой ими земли, которое нельзя осуществить иначе как мелиорацией почв, обработкой полей, посадкой разнообразных культурных насаждений. Усилия скотоводов и первых земледельцев привели к победе в виде получения крестьянами стабильных урожаев зерновых, которые использовались как для поддержания жизни земледельцев, так и для пополнения казны. Ее использовали как необходимый общественный страховой фонд, а также как запасы провианта и фуража для армии.

Ритуал жертвоприношения и общественный договор

Главным итогом общего тяжелого труда явилось рождение новой общности людей, занятых одним делом, члены которой одинаково были заинтересованы не только в получении текущего, но и в сохранении и приумножении будущих урожаев, чего невозможно достичь без надлежащей защиты общих завоеваний. Сформированная в ходе совместного освоения земледелия общность, имеющая общие интересы в развитии земледелия, общую заботу о приумножении урожая, сохранении итогов многолетних тяжелых трудов, свое единство закрепляла актами поклонения духам земли, духам предков. Совместный акт поклонения совершался под руководством вождя, что виделось естественным, поскольку он возглавлял ход освоения земель, руководил общими работами, поддерживая всех распределением казны — стада. «Обрядность свидетельствует, что землепашцы по приказу властителя обязаны были объединяться попарно. В начале года тот, как говорят, председательствовал при организации работ... Когда заранее намечены работы на полях, когда сначала с веревкой вывели каналы и межи, ничто больше не сможет смутить землепашцев» [9, с. 119—120].

Дух единства, взаимопонимания, благодарности за самоотверженный труд каждого участника во имя общей победы, безусловно, рождал особое чувство общности, которое закреплялось воспроизведением священнодействия, его повторение из года в год институализировало его как явление и родился общеизвестный ритуал, который проводился под руководством вождя или его представителей. В данном случае следует согласиться с теми, кто обоснованно утверждает, что для общества, ориентированного на такие традиционные формы регуляции, как ритуал и обычай, действующие нормы и правила считаются унаследованными от предков и уже поэтому имеют императивный характер для любого члена группы. Ссылка на закон предков («так делали раньше», «так установили предки») — основной и универсальный способ мотивации действий в данной системе» [10, с. 5—6].

Можно ли рассматривать руководство проведением ритуалов знатью как его монополизацию?

Перемены в руководстве древним священнодействием выглядят как монополизация только в том случае, если рассматривать древний ритуал в отрыве от изменения его содержания. Описанные выше социальные процессы свидетельствуют о том, что земледелие не было результатом постепенного перерастания простых форм в более сложные. Идея постепенного накопления изменений, эволюционное изменение простых форм и перерождение в сложные есть результат отказа социологии и других общественных наук от изучения генезиса социальных явлений. В данном случае отчетливо просматривается общая ошибка в понимании закономерностей перехода от первобытности к государству или от деревни к городу, от обычая к праву. Эти представления родились в XIX веке, когда еще не было условий для понимания конкретики неолитической революции. Арсенал антропологии права и других общественных наук значительно возрос за счет колоссального роста эмпирических данных, которыми располагает современная наука.

С замечанием об ошибочности представления о монополизации знатью священнодействия перейдем к главному аспекту нашего экскурса, предпринятого с целью разъяснить, каким образом акт жертвоприношения стал составной частью формирующейся правовой системы.

Акт жертвоприношения собирал людей именно по признаку причастности к общему делу освоения земледелия, появлению полей, которые давали ежегодно большой урожай — источник жизни этого круга людей. Очевидно, что участие

в ритуале жертвоприношения стало рассматриваться как юридический факт, подтверждающий статус члена нового правового сообщества земледельцев.

Для простоты понимания взаимосвязи ритуальных действий с его юридическим содержанием можно провести аналогию со свадебным торжеством. Свадьба и сегодня рассматривается как завершающая часть акта бракосочетания, символизирующего рождение новой семьи, новых статусов вчерашних жениха и невесты и других частных лиц. Не следует забывать, что свадебные торжества в недавнем прошлом рассматривались в качестве основного юридического факта, рождающего правовые последствия. Свидетельства многочисленных гостей, принявших участие в торжествах, служили в дальнейшем юридическим доказательством правового договора бракосочетания, вследствие которого следует, например, признание отцом родившихся детей, обязанности содержания, алиментных платежей, наследования и пр.

Акт жертвоприношения рождал долговременные взаимные права и обязанности между его участниками. Ключевым моментом в его процедуре видится участие распорядителя страхового фонда. Таким лицом выступал вождь, предводитель племенного союза. Участие такого лица в священнодействии, объединяющем расширенный за пределы племенного союза круг лиц, изменяет его статус. Его уже следует рассматривать в качестве монарха, хранителя и распорядителя государственной казны. Все иные лица становятся его подданными, что включает в себя право на защиту в случае нападения врагов, помощь при стихийных бедствиях. Подданные искали защиту и безопасность для себя и своей семьи за стенами укрепленного города, в этом случае находились под защитой армии государства, приобщались к резервным ресурсам, создаваемым казной, и т. д.

Государственный акт жертвоприношения является своего рода общественным договором, который заключался в такой форме. Одной стороной общественного договора выступало государство в единстве правителя и его приближенных, которых в китайской культуре традиционно именуют знатью. Все они так или иначе имели правовую связь с казной или армией, которые они обслуживали, выступая кланами так называемых служилых людей. Другую сторону представляли семейные кланы земледельцев, а также торговцев, ремесленников. Лицо, которое непосредственно участвует в акте жертвоприношения, выступает от имени семейного клана.

С этого момента между государством и главами семейных кланов возникают права и обязанности. Главными из них выступают право на получение в пользование земельного надела, обязанности по выплате натуральных налогов, а государство выступает гарантом их правового статуса и внешней безопасности.

Если обратиться к изучению состава участников жертвоприношения, то, наверное, есть возможность убедиться в том, что к участию в нем допускались только мужчины, и только те, кто возглавлял семейный клан. А это имеет важное значение, поскольку учитывает персонально каждого участника мероприятия, легитимируя его правовой статус. Руководство жертвоприношением легализует верховную власть над всеми участниками собрания. Одновременно с этим таинство признает власть каждого его участника над членами возглавляемых ими семейных кланов. Следовательно, юридическое содержание общественного договора конкретизируется персональным составом, определяя его участников и регламентируя объем прав каждого из них, а также определяя конкретные сроки действия их полномочий. Пересмотреть статус в случае перемены лиц договора будет возможно только в ходе следующего акта жертвоприношения. В случае, допустим, смерти вождя или главы клана на его место с легитимным объемом властных полномочий будет возможно допустить лицо только в случае его участия в общественном акте жертвоприношения. Все сказанное позволяет сделать выводы о форме, содержании и персональном составе общественного договора.

Итак, ритуал жертвоприношения является:

- многосторонним правовым договором;
- актом легитимации верховной власти правителя;
- актом вхождения семейного клана в состав образуемого правового единства;
- признания его (семейного клана) правового равенства с иными участниками общественного договора;
- актом легализации власти главы семейного клана.

Важнейшим его юридическим содержанием является установление правовых отношений между участниками.

Можно также определить начальный объем установленного общественного договора, который, безусловно, конкретизировался в ходе дальнейшей общественной практики, а также законодательно устанавливался в устных и письменных актах волеизъявления высшего органа

государственного управления. Общественный договор устанавливал, с одной стороны, право на получение его участниками земельного надела, с другой — обязанность уплаты части полученного урожая в государственную казну. Далее общественный договор устанавливал право на распоряжение ресурсами казны для правителя, а также его обязанность постоянного пополнения. Служение правителю в его непосредственных делах по обслуживанию казны и содержанию армии рождало право на получение содержания из казны. Думается, что непосредственно вытекающим из общественного договора правоотношением является право на военную защиту в случае нападения извне, а также обязанности участвовать в военном призыве.

***Владение, пользование, распоряжение
земельным наделом***

В завершение экскурса в юридическое содержание известного ритуала жертвоприношения обратимся к его символике. Его иероглифическое обозначение, по мнению ученых, прямо отсылает к принадлежностям древнего алтаря, ритуалам жертвоприношения. При этом, видоизменяясь, иероглиф неуклонно расширял круг явлений, символами которых становился. В современных условиях данный иероглиф обозначает правовые нормы. Аналогично тому, как в европейских языках устанавливается этимологическое значение слова, правила начертания иероглифа могут содержать лексические связи, которые выходят за пределы современных значений. Однако результаты нашего анализа юридического содержания древнего ритуала позволяют сделать однозначный вывод о том, что правовое содержание общественного договора действительно следует рассматривать как юридический факт, который запускает специфическую общественную практику, связанную со взаимодействием людей в целях получения определенных благ, которые распределяются по справедливости, в том смысле, что каждый получает долю, размер которого определяется с учетом вклада в общее дело. Такое распределение осуществляется между свободными и равноправными людьми и определяется как правовое. В основе этих действий лежат нормы права и правовые принципы. Подобная общественная практика формирует основополагающее «тело» права — совокупность установленных общественной практикой общеобязательных, формально определенных, санкционированных и гарантированных государством правил поведения людей.

И последнее что следует назвать, но первое по значению в жизни нового сообщества, — участие в акте жертвоприношения является юридическим фактом, порождающим саму возможность получить во владение или пользование земельный надел. Никто, кроме участников ритуального акта, не может претендовать на получение во владение или пользование контролируемый таким сообществом земельный надел. Связь между участием в акте жертвоприношения и правом на земельный надел носит абсолютно определенный характер. Нет большого риска предположить, что ритуальные правила предусматривали различия в действиях людей, которые определялись ранжированием участников ритуала. Объем прав на земельный надел был разным, и это обязательно должно было отражаться на месте субъекта в церемонии поклонения духам предков. Так, право на земельный надел могло быть правом на владение, пользование. Однако право распоряжения земельным участком, которое, в сущности, и является правом собственности, должно принадлежать человеку, который руководил лично жертвоприношением. Правомочия владения землей, полями, наделами и одновременно с этим право управления людьми, которые трудились на них, рождались актом волеизъявления руководителя главного ритуала. «Вообще в шанское время практика поручать представителям царского рода управление областями была широко распространена», — отмечает российский исследователь древностей Китая К.В. Васильев [8, с. 96]. Его выводы основаны на исследованиях записей, содержащихся на так называемых гадательных костях. Их обнаружение, изучение, сопряженное с более чем тремя этапами археологических изысканий, предпринятых в начале XIX века и продолжающихся в настоящее время, позволили в значительной мере конкретизировать и систематизировать научные знания о древнем периоде истории Китая, а также внести огромный вклад в изучение культуры китайской цивилизации.

В дальнейшем право владения, пользования, распоряжения землей и земельными наделами, основания приобретения правомочий в этой сфере дополняются множеством новых правил и ограничений, в связи с чем приобретают все более сложный характер. Однако предположим, что под развитием права собственности на землю подразумевается процесс постепенного открытия правовых возможностей. На первых этапах освоения земледелия как новой формы хозяйствования предполагаем наличие основных форм

в виде фактического владения, пользования землелепользователями и права распоряжения, которым обладает глава государства.

В завершение нельзя не отметить два важных момента. Первый: все установленные титулы правителей отражают их иерархию и, как следствие, объем властных полномочий над территорией, его населением и подтверждаются участием в акте жертвоприношения. Это следует, например, из такого тезиса: «Владельцам территорий, расположенных на периферии шанского мира, которые признали гегемонию шанского вана, участвуя в государственном культе, шанцы присваивали титул «хоу» [9, с. 96]. Второй: о княжестве Лу, в котором родился и жил Конфуций, например, пишут: «У княжества Лу не было четких территориальных границ, не было там и большого количества городских центров и деревень. Фактически Лу представляло собой не что иное, как город-государство, то есть, как видно из самого слова, город, окруженный небольшой стеной, которая огораживала пространство площадью около одного ли или трех миль. Во времена Чжоу слово «княжество» первоначально означало именно это — территорию внутри крепостных стен метрополии» [11, с. 20]. Следовательно, в отсутствие формально установленной территориальной границы определение круга людей, объединенных под властью вождя, царя, вана или иначе обозначенного раннеклассового монарха, зависит от участия в ритуале жертвоприношения.

Выводы

Главная причина, которая придала ритуалу жертвоприношения важное социальное значение и столь глубокий юридический смысл его содержанию, на самом деле очень проста: отсутствие у городов-полисов, как у государства, четко обозначенной территории. То есть ритуал жертвоприношения до появления «права почвы» и «права крови» служил юридическим фактом или юридическим составом, рождающим правовые связи между его участниками. А Древний Китай, еще раз подчеркнем, возник как единство людей, связанных с такого рода деятельностью, как земледелие. Поэтому в эпоху становления цивилизации важное место занимает связь с преобразованной землей, т.е. не столько с местом рождения, сколько с местом приложения трудовых усилий. В отсутствие формально установленной территориальной границы, определяющей круг людей, объединенных властью вождя, царя, вана, словом, раннеклассового монарха, прямо зависит от участия в ритуале жертвоприношения. Все последующие смыслы, такие как установление ритуальной связи с монархом, с духами его предков, получение одобрения Неба, повышение урожая, плодородия земли, предотвращение вредоносных стихий, разделение, приобщение к общим ценностям и пр., появились позже, когда ритуал стал традицией, а его первоначальные смыслы утратили свою практическую значимость.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ма Нианьчжен. Анализ древних жертвоприношений и происхождение китайского права / Нианьчжен Ма // Социальные науки. — Гуйчжоу, 2007. — № 9. — С. 166–168.
2. Маркс К. Критика Готской программы / К. Маркс, Ф. Энгельс // Полное собрание сочинений. — Москва, 1961. — Т. 19. — С. 9–32.
3. Тумурова А.Т. Генезис обычного права бурят / А.Т. Тумурова. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005. — 240 с. — EDN QXHHSD.
4. Detienne M. Culinary Practices and the Spirit of Sacrifice / M. Detienne // The Cuisine of Sacrifice among the Greeks. — Chicago, 1989. — P. 1–20.
5. Жертвоприношение. Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней : сб. статей / ред. Л.И. Акимова, А.Г. Кифишин. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — 536 с.
6. Бурлак С.А. Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы / С.А. Бурлак. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Москва : Альпина Паблишер, 2024. — 610 с.
7. Тумурова А.Т. К вопросу о социальном назначении обычая (часть первая) / А.Т. Тумурова. — DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(3).415-424. — EDN AXZQXS // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26, № 3. — С. 415–424.
8. Васильев К.В. Истоки китайской цивилизации / К.В. Васильев. — Москва : Вост. лит. РАН, 1998. — 319 с.
9. Гране М. Китайская цивилизация / М. Гране ; под ред. И.И. Семененко. — Москва : Алгоритм, 2008. — 416 с.
10. Тирских М.Г. Стереотипизация социального поведения: правовые и иные регуляторы общественных отношений / М.Г. Тирских, Л.Ю. Черняк. — EDN KTNKEN // Академический юридический журнал. — 2009. — № 3 (37). — С. 4–11.
11. Каидзука С. Конфуций. Первый учитель Поднебесной / С. Каидзука. — Москва : Центрполиграф, 2004. — 89 с.

REFERENCES

1. Ma Nianchzhen. Ancient sacrifice analysis and origin of Chinese law. *Sotsial'nye nauki = Social Sciences*, Guizhou, 2007, no. 9, pp. 166–168. (In Chinese).
2. Marx K., Engels F. Critique of the Gotha Programme. In *The Complete Works*. Moscow, 1961. Vol. 19. pp. 9–32. (In Russian).
3. Tumurova A.T. *Genesis of Customary Law of the Buryats*. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2005. 240 p. EDN: QXHHSD.
4. Detienne M. Culinary Practices and the Spirit of Sacrifice. In *The Cuisine of Sacrifice among the Greeks*. Chicago, 1989, pp. 1–20.
5. Akimova L.I., Kifishin A.G. (eds). *Sacrificial Ritual: Its Meaning and Function in Art from Ancient Times till Nowadays*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 536 p.
6. Burlak S.A. *Origin of language: facts, research, hypotheses*. 2nd ed. Moscow, Alpina Publisher Publ., 2024. 610 p.
7. Tumurova A.T. On the Social Purpose of Custom (Part One). *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2025, vol. 26, no. 3, pp. 415–424. (In Russian). EDN: AXZQXS. DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(3).415-424.
8. Vasilev K.V. *Origins of Chinese civilization*. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 1998. 319 p.
9. Granet M. *La civilisation chinoise*. Paris, Editions Albin Michel, 1988. 503 p. (Russ. ed.: Granet M. *Chinese Civilization*. Moscow, Algoritm Publ., 2008. 416 p.).
10. Tirsikh M.G., Chernyak L.U. Stereotypization of Social Behavior: Legal and Other Social Regulators of Public Relations. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2009, no. 3, pp. 4–11. (In Russian). EDN: KTNKEN.
11. Kaizuka S. *Confucius*. London, 1956. 199 p. (Russ. ed.: Kaizuka S. *Confucius. The First Teacher of the Celestial Empire*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004. 89 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анна Тимофеевна Тумурова — доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник Института правовых исследований. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11. SPIN-код: 9481-3652.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna T. Tumurova — Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher of the Scientific research institute. Baikal State University. 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, Russia. SPIN-code: 9481-3652.

Поступила в редакцию / Received 10.07.2026

Доработана после рецензирования / Revised 25.08.2026

Принята к публикации / Accepted 10.09.2026